

of the Muslim Bulgarian minority in Turkey although so far attempts have been made to initiate such activity in Greece and Albania, too, alongside with the significant amount of literary works created by the Bulgarians in Romanian Banat (centuries-long tradition) and North Macedonia (for most than seventy years).

Key words: Bulgarian language, Bulgarian dialects, standard language, European Turkey, Bulgarian minorities abroad, Hasan Uygun.

Статтю отримано 17.04.2021 г

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237851

УДК 811.161.1'282.2'342.3'371'373

ПЕДЧЕНКО Людмила Вадимовна,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка филологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; пл. Свободы, 4, г. Харьков, 61022, Украина, тел.: +38 057 7075357; e-mail: pedchenko1210@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-8603-293X

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНОГО ПРИЗНАКА «ВЛАЖНОСТЬ» (ПО ДАННЫМ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. *Цель* статьи — выявить характер концептуализации перцептивного признака «влажный» в русском диалектном языке и факторы, его детерминирующие. *Объект* исследования — семантика лексем *мокрый, влажный, сырой* и их ареальных оппозиций и дериватов в говорах русского языка. *Предметом* исследования являются когнитивные признаки, актуализированные в семантической структуре данной группы лексем. В работе использованы *методы* семантического, этимологического, компонентного анализа, исторический и описательный методы. В *результате* анализа семантики номинаций перцептивного признака «влажный» в русском диалектном языке было установлено, что характер языковой концептуализации данного признака детерминирован не только эмпирическими, но и собственно лингвистическими факторами. Номинативный потенциал лексем *мокрый, влажный, сырой* и их дериватов демонстрирует неизоморфность их семантических структур, которая может быть обусловлена как различием их внутренних форм, исконной семантики, так и различными векторами дальнейшего семантического развития. Этимологические сведения дают основания предположить, что данные номинации изначально актуализировали различные аспекты концепта «влажность»: прилагательное *мокрый* и его производные соотносились с представлением о «природной» влаге (ср. исконные значения «лужа, грязь, болото»), деривационное гнездо с корнем *волог-/волож-* манифестировало интерпретацию жидкости как человеческой пищи, а лексемы, восходящие к праслав. **syrgъ*, обозначали влагу, содержащуюся внутри необработанных или не до конца обработанных, недосушенных предметов. **Выводы.** Гетерогенность исконных смыслов и обусловленные ею различные направления семантического развития лексем, вербализующих признак «влажность» в русском диалектном языке, позволяют говорить о сложной структуре соответствующего концепта, о необходимости выделения в этой структуре субконцептов, актуализирующих различные аспекты интерпретации данного перцептивного признака.

Ключевые слова: диалектная лексика, семантика, номинация, перцептивный признак, когнитивная интерпретация, концептуализация, русская диалектология.

Постановка проблемы. Восприятие в психологии рассматривается, во-первых, как субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов (употребляются также термины «образ восприятия», «перцептивный образ»), во-вторых, как сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа [2, с. 74].

Система восприятия формирует перцептивный базис, который является основой ментальной деятельности человека, поскольку именно восприятие связывает человека с окружающим миром. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «в наивной, как и в научной картине мира, через систему восприятия человек получает всю ту информацию, которая направляется на обработку в сознание и на основании которой человек осмысливает действительность, получает знания, вырабатывает мнения, планирует свои действия и т. п.» [1, с. 49]. Перцептивные признаки категоризируются, получают своё вербальное выражение и во многих случаях приобретают семиотическую значимость, которая неразрывно связана с лингвистической значимостью соответствующих признаков слов. Наименования перцептивных признаков могут подвергаться метафоризации, демонстрируя так называемые «категориальные сдвиги», при этом векторы этих семантических модификаций («семантических сдвигов») у вербализаторов одного и того же перцептивного признака могут существенно различаться. Синонимичные лексемы и их дериваты, обозначающие один и тот же перцептивный признак, могут приобретать метафорические значения, относящиеся к различным концептуальным сферам, расширяя семиотическую значимость данного перцептивного признака.

Связь с предыдущими и смежными исследованиями. Изучение восприятия в рамках лингвистики, как правило, связано с анализом средств языкового выражения различных модусов воспри-

тия (зрения, слуха, вкуса, обоняния, осязания). В настоящее время этой проблематике посвящено большое количество работ, что даёт основание некоторым авторам говорить о формировании особой отрасли языкознания — лингвосенсорики [9, с. 6] или лингвистической перцептологии [4, с. 368].

С. С. Кузнецова выделяет несколько направлений в изучении лексических единиц с семантикой восприятия: семантическое, когнитивное, сопоставительное, типологическое, этимологическое, синтаксическое, стилистическое, лингвоперсоналистическое, дискурсивное [3, с. 3–4]. В большинстве случаев эмпирической базой исследования становятся данные толковых словарей русского литературного языка, результаты психолингвистических экспериментов либо текстовые материалы различных типов (художественные, публицистические, рекламные и др.). Номинативный потенциал перцептивной лексики, определяющий возможности её метафоризации, как правило, исследуется в рамках художественного дискурса отдельных авторов.

Русская диалектная лексика восприятия довольно редко оказывается в центре внимания лингвоперцептологов (например, [3]), хотя анализ фактов диалектного языка, в котором реализуется номинативный потенциал, не ограниченный жесткими рамками кодификации, представляется весьма перспективным для лингвоперцептологических исследований.

Давно установлено, что перцептивная система человека иерархизирована: степень значимости того или иного модуса восприятия определяется объемом информации, которая поступает через соответствующие каналы перцепции в сознание человека. Доминирующим признается зрение, посредством которого человек получает около 80 % информации, далее следует слух. Вкус, обоняние и осязание в плане когнитивной релевантности значительно уступают двум предшествующим модусам восприятия [1, с. 363].

Степень изученности характера вербализации различных перцептивных модусов в значительной мере соответствует их статусу в иерархии системы восприятия. Если лексика зрительного и слухового восприятия изучена достаточно полно и детально, то средства номинации других перцептивных модусов, например, тактильного, редко становятся предметом лингвистических исследований.

Как отмечает И. Г. Рузин, тактильный модус представляется языковому сознанию достаточно размытым. «В обычном языке даже подобрать слова, чтобы назвать параметр, под который подводится ряд перцептивных признаков, можно с трудом. Их приходится заимствовать из подъязыка науки и определять тактильные атрибуты как относящиеся к качеству поверхности и консистенции. С помощью кожной рецепции человек познает широкий круг качеств предметов: гладкость, упругость, влажность, маслянистость и т. д.» [5, с. 83].

Постановка задач исследования. Средствам номинации одного из тактильно воспринимаемых признаков — влажности — в русском диалектном языке посвящено настоящее исследование. Объект исследования — семантика лексем **мокрый**, **влажный**, **сырой** и их ареальных оппозиций и дериватов в говорах русского языка. Предметом исследования являются когнитивные признаки, актуализированные в семантической структуре данной группы лексем. Цель данной статьи — выявить характер концептуализации перцептивного признака «влажный» в русском диалектном языке и факторы, его детерминирующие. В работе использованы методы семантического, этимологического, компонентного анализа, исторический и описательный методы.

Изложение основного материала. Перцептивные признаки **сухой** — **мокрый** И. Г. Рузин относит к градуальным атрибутам. Их противопоставленность определяется наличием / отсутствием некоторого параметра — **сухой** «не содержащий влаги» — **мокрый** «содержащий влагу» [5, с. 89]. Данная оппозиция может характеризовать как качество поверхности, так и консистенцию. Прилагательные **влажный** и **сырой**, хотя часто интерпретируются как синонимы лексемы **мокрый**, однако обозначают состояние, промежуточное между мокрым и сухим, т. е. имеют значение «содержащий небольшое количество влаги».

Рассмотрим семантическую структуру деривационных полей каждого из отмеченных прилагательных.

Лексема **мокрый** в русских говорах, как и в русском литературном языке, имеет значение «содержащий влагу, совершенно пропитавшийся влагой». В большинстве приводимых «Словарём русских народных говоров» устойчивых сочетаний с данным прилагательным актуализируется интегральная сема «влага»: **метеля мокрая** «ветер с мокрым снегом». Ср. Урал; **мокрый год** «дождливый год». Если **мокры год** — **ягоды нехорошие**. Новосибир.; **мокрый обуй** «непромокаемая обувь». Якут.; **мокрая смерть** «смерть от утопления»; **мокрый спас** «в религиозных обрядах — освящение воды на реках в день 1-го августа (по старому стилю)» Курск.; **молебен мокрый** «в религиозных обрядах — молебен с освящением воды» Костром. [6, т. 18, с. 213].

Эта же сема является доминантной и в семантике многочисленных производных лексем, номинирующих различные объекты:

– **сырость**, **грязь** (**моква** «сырость» Нижнедон., **мокра** «сырость; грязь» *Мокра кака в сапоге. Мокру своим самоваром разводит.* Иркут. [6, т. 18, с. 207], **мокрида** «сырость, слякоть» *У! эдакая мокрида. Куда я пойду!* Томск. [6, т. 18, с. 209]),

– погоду (**мокорь** «сырая погода» Влад. [6, т. 18, с. 207], **мокрень** «продолжительная сырая погода» Долго еще буде стоять втая мокрень? Зап.-Брян., Тул. [6, т. 18, с. 208], **мокришь** «сырая погода» Арх. [6, т. 18, с. 208]),

– атмосферные явления и осадки (**мокредь** и **мокрадь** «мокрый снег» Перм., «изморозь» Иркут. [6, т. 18, с. 208], **мокрик** «мокрый снег» Пск., Твер., **мокринец** «снег с дождём» Ряз. и др. [6, т. 18, с. 209]),

– ветер (**мокрик** «западный ветер» Твер., Калинин., Пск., Оз. Ильмень, «юго-западный ветер» Твер., Новг., Пск., Калинин. *Сегодня никак мокрик, може дождь будет, йон завсегда с дождём.* Тарт. Эст., Онеж., Ряз., «ветер, приносящий дождливые тучи» Волхов и Ильмень, «ветер с Чудского озера, приносящий дождевые тучи» *Ветер повернул на мокрик.* Пск., «тёплый (обычно западный) ветер» Пск., **из-под мокрика** «со стороны юго-юго-западного ветра» Ильмень, Новг. [6, т. 18, с. 209]),

– водные объекты (**мокревина** «небольшая лужа» Пск., Твер. [6, т. 18, с. 207], **мокрище** «небольшой водоём, для вымачивания конопли» *Я на мокрише пошла.* Бурят., «невысохшая лужа» *Вот мокрищи остались-то.* Бурят., «узкая протока со стоялой водой» Бурят. [6, т. 18, с. 210]),

– географические места (**мокредина** «болотистое, сырое место», **мокретина** Уральск. [6, т. 18, с. 207], **мокришь** «топкая, залитая водой дорога» Арх. [6, т. 18, с. 208], **мокриня** «сырое низкое место в лесу» *Тебе бы с мокрины-то на тропку (выйти), по тропинке-то недалече.* Новг., «топкое болото» Пск., «лужа или маленькое болотце» Тул. [6, т. 18, с. 209], **мокринник** «земля со множеством луж, сырых мест» [6, т. 18, с. 209]),

– растения (**мокрец** «растение *Gratiola officinalis* L., сем. норичниковых; авран лекарственный» Саратов., «растение *Melampyrum pratense* L., сем. норичниковых; марьянник луговой» Воронеж., «растение *Amaranthus retroflexus* L., сем. амарантовых; щирица запрокинутая» Саратов., «растение *Polygonum tomentosum* Schrank.; горец войлочный» Оренб., «растение *Stellaria media* Cyr. сем. гвоздичных; звездчатка средняя, мокрица» Волог. [6, т. 18, с. 208], **мокрижник** «растение *Stellaria media* Cyr., сем. гвоздичных; звездчатка средняя, мокрица» Свердлов. [18, с. 210], **мокрица** «растение лебеда» Арх. [6, т. 18, с. 210]),

– животных (**мокрешок** «о только что родившемся жеребёнке, телёнке и т. п.» Он [жеребёнок] ещё мокрешок. Томск. [6, т. 18, с. 208]),

– болезни, сопровождающиеся выделением жидкости (**мокредь** «экзема, лишай на копытах животных» Южн.-Урал. *Мокредь у коров живёт и у коней живёт, бывает сухой мокредь и сырой мокредь.* Перм. [6, т. 18, с. 208], **мокрица** «болезнь домашних животных (обычно лошадей)» Свердлов., Калуж. [6, т. 18, с. 209]),

– обряды, связанные с вызыванием дождя (**мокрида** «в суеверных обрядах обливание друг друга водой во время засухи для того, чтобы пошёл дождь» Курск. [6, т. 18, с. 209], **делать мокрину** «в суеверных обрядах — обливать друг друга водой или стаскивать в воду во время засухи для того, чтобы пошёл дождь» Курск. [6, т. 18, с. 209]).

Несмотря на чрезвычайно высокую деривационную продуктивность, метафорический потенциал лексем, производных от прилагательного **мокрый**, в говорах русского языка достаточно ограничен. Это ряд лексем, объединённых общим семантическим признаком «сплетни»: **мокроводить** «сплетничать» Твер., **мокроводка** «сплетник, сплетница» [6, т. 18, с. 210], **мокрохвост** «пустомеля, сплетник» Пск., Твер. [6, т. 18, с. 211], **мокрохвостить** «сплетничать» Пск., Новг., Твер., Костром. [6, т. 18, с. 211], **мокрослоить** «ссорить кого-либо, распуская сплетни» Твер. [6, т. 18, с. 211], а также несколько номинаций неопрятного, невзрачного человека: **мокруда** «неряха» Амур. [6, т. 18, с. 211], **мокрохвостый** «неопрятный» Волог., Калуж. [6, т. 18, с. 211], **мокрохвостка** «неопрятная женщина» Пск., Твер, Костр., Краснояр. [6, т. 18, с. 211], **мокрица** «прозвище невзрачного человека» [6, т. , с. 210]. Единичные лексеммы актуализируют другие концептуальные признаки: **мокровялый** «пьяный» [6, т. 18, с. 210], **мокрыак** «прозвище слабосильного человека» Перм., «толстяк» Новг. [6, т. 18, с. 213].

Лексеммы **влага**, **влажный** и их дериваты в «Словаре русских народных говоров» не зафиксированы. Причиной отсутствия этих лексем в живой диалектной речи, по-видимому, является их церковнославянское происхождение и, как следствие, преимущественно книжный характер. В то же время, в русских говорах широко распространены полногласные восточнославянские соответствия данных литературных лексем.

Основные значения большинства лексем с корнем **волог-/волож-** эксплицируют интегральную сему «влага, жидкость», однако и количество таких номинаций, и их семантический спектр существенно уступают деривационному гнезду прилагательного **мокрый**: **волога** «влага, вода, жидкость // вода для питья во время еды» [6, т. 5, с. 46], **вогкий**, **вокхий**, **воблый**, **вобый**, **вогный**, **вогватый**, **вожкий**, **вожний**, **воложкий**, **воложный** «влажный, сыроватый, отсыревший» Зап., Смол., Калуж., Пск., Калинин., **воложить** «увлажнять, мочить, поливать» Южн., Зап., Нижегород. [6, т. 5, с. 47], **воложно** «влажно, сыро» Волог., Арх. [6, т. 5, с. 48].

Другой семантический блок в рамках данного деривационного гнезда составляют значения, актуализирующие когнитивный признак «жирный, маслянистый» (ср. **волога** «сметана для закваски молока» Ряз., «жир, масло» Волог., Новг., Смол., Пск. [6, т. 5, с. 47], **воложить** «при-

правлять вологою (жиром, маслом, сметаной и т.п.)» Волог., Пск., Новг., Твер., Арх., Калуж., Ярослав. [6, т. 5, с. 47], **воложно** «жирно, масляно» Арх., Волог., Казан., Ряз. [6, т. 5, с. 48], **воложь** «сало, жир у животного» Арх. [6, т. 5., с. 49]). Источником данного семантического вектора могло послужить др.-р. **волога** «похлёбка, пища» (ср. также укр. **волога** «жирная жидкость», лит. **valgyti** «есть») [8, т. 1, с. 340]. По-видимому, восточнославянские рефлексы праславянского корня ***volg-** первоначально могли обозначать не просто жидкость, а жидкую пищу. Расширение «гастрономического» смыслового вектора с одновременной нивелировкой семы «влага, жидкость» проявилось в использовании лексемы **волога** в качестве номинации различных (не обязательно жидких) продуктов питания: «варёная говядина, рыба» Олон., «приправа к тесту, сдоба» Ярослав., Новг., Твер., Арх., «вообще все местные овощи // грибы // зимний запас соленья, грибов» Арх., Костром., «всякая пища, съестные припасы» Волог., Сев.-Двин., Ярослав. [6, т. 5, с. 47]. Актуализация гедонистического аспекта вкусовых ощущений обусловила развитие значений «сладкий», «вкусный» и далее — «хороший»: **воложить** «сахарить» Пск. [6, т. 5, с. 47], **воложный** «сдобный, вкусный, лакомый» Ряз., Тамб., Костром., Арх., Волог., Новг., Пск., «хороший», **воложно** «лакомо, сладко» Ряз., Волог. [6, т. 5, с. 48], **воложничать** «есть сытное, вкусное // роскошно жить», **воложница** «та, которая ест сытное, вкусное» [6, т. 5, с. 48], **волозе** «благо, хорошо» Волог., Енис. [6, т. 5, с. 49].

Ассоциативная связь признаков «влажный, жидкий», «жирный, маслянистый» и «мягкий, податливый» послужила когнитивной базой для развития у исследуемых лексем метафорических значений, характеризующих состояние человека: **волога** «такое расположение человека, в котором он бывает особенно добр, мягкосерд» Арх., «опьянение от вина» Арх. [6, т. 5, с. 47], **воложить** «задабривать, улаживать кого-либо» Арх., «склонять кого-либо на что-нибудь, убеждать, уговаривать» Арх., «опьянять, одурять» Арх. [6, т. 5, с. 48].

Иной характер концептуализации признака «наличие влаги» демонстрирует семантическая структура прилагательного **сырой** и его дериватов. Как отмечает Н. Ф. Спиридонова, прямое значение данного прилагательного включает два компонента: «предмет содержит влагу внутри» и «предмет не досох до конца» [7, с. 188]. Сочетание обоих компонентов либо актуализация одного из них обуславливают возможности различных категориальных сдвигов, эксплицированных в семантике лексем данного деривационного гнезда.

Так, семантический признак «влага» репрезентируют лексемы: **сыр** «сырость, влага» Волог., «сырая влажная земля» Карел. [6, т. 43, с. 146], **сырболлина** «растение ежевика (Растёт в сыром бору» Свердл., Новг. [6, т. 43, с. 149], **сыренький** «влажный, сырой» Тул., *Место сыренько*. Влад., Ленингр. *Сыренько белье выкатают, да и довольно. Так и гладили*. Томск., «рыхлый, наполненный водой (о льдине)» *Шла крыга сыренька, ибразовался хrap*. Уральск. [6, т. 43, с. 150]; **сыреть** «моросить (о дожде)» Арх. [6, т. 43, с. 150], **сырёхонький** «мокрый, взмокший от пота» *Я весь сырёхонек бежал к пароходу, а тебя не было* Мурман. [6, т. 43, с. 150]; **сырец** «сырое низменное место» *Сырец в лощине, ключ там*. Киров., Свердл., «сырое болото» Ярослав., Новг., Амур., «поле с сырой, влажной почвой» *Сырец — поле когда весной пахнут. Земля сырая, а затем сеют*. Алт., «сырая, влажная земля, которой обкладывают дрова при изготовлении угля» *На дерно-то сырцом обкласть надо*. Свердл., «влажный сахар» Горно-Алт. [6, т. 43, с. 150]; **сырина** «влага, сырость» Ряз., *с сыриной* «о чём-л. не высохшем, содержащем влагу» Ряз., Новг., «низменное место с сырой, влажной почвой» Пск., Новг., Карел., Горно-Алт., «низкое место, где застаивается вода» Пск., *Сырина — мокрое, низкое место, никогда не просыхает, даже застаивается вода*. Новг., «топкое место, болото в лесу» Пск., Новг., Ворон., «сырая погода, сырость» *Сено плохо сохнет, такая сырина, что страсть!* Волог. [6, т. 43, с. 151–152]; **сыреть** «становиться влажным, сырым» *Не сырят — тем и стоит долго лес*. Мурман., «допускать влажность, сырость в помещении» *Сырят, мало топят*. Мурман. [6, т. 43, с. 152]; **сырность** «сырость» Томск., Новг., «о длительном дожде» *На улице сырность-то такая, опять машины застрянут*. Ленингр. [6, т. 43, с. 56]; **сырный** «сырой, влажный (о ветре)» *Наверно, где-то дождя было много, что-то засырело, такой ветер сырный подул*. Арх. [6, т. 43, с. 157], **сырой** «влажный, южный (о ветре)» *Подул сырой от юга ветер*. Р. Урал, «восточный, с востока (о ветре)» Кемер. [6, т. 43, с. 161] и др.

Восприятие сырой погоды, сырого ветра, как правило, сопровождается температурными ощущениями — чувством холода. В этой связи вполне логичным представляется развитие у прилагательного **сырой** и его производных значения «холодный»: **сырой** «холодный» *Как сырой ветер, от севера, сыро будет*. Арх., **сырая пурга** «пурга весной, с мокрым снегом» Камч. [6, т. 43, с. 161], **сыро** «холодно» Арх. [6, т. 43, с. 157]; **сыровато** «прохладно» *Двери открыла на примос, и сыровато стало, не жарко*. Арх. [6, т. 43, с. 158]. Заметим, что, согласно одной из гипотез, прилагательное **сырой** этимологически связано с литовским **šiaure** «север» [8, т. 3, с. 819], хотя М. Фасмер не признаёт эту гипотезу достоверной.

Второй концептуальный признак, лежащий в основе семантической структуры прилагательного **сырой**, — «не высохший до конца», т. е. «находящийся в переходном состоянии от мокрого к сухому» — послужил когнитивной базой для актуализации семантических признаков:

– «начало» (*сырая* «только что родившая женщина» Перм. [6, т. 43, с. 149], *сырица* «кушанье из молока первого удоя» Урал., Свердлов., «олень в возрасте до одного года» Арх. [6, т. 43, с. 152], *сырец* «растопленное сало, которое выделяется в самом начале обжаривания сырого сала» Сало *сырец* — чистое, всплывшее при первой, лёгкой топке, «целинная земля, распаханная только один раз, подготовленная для дальнейшей обработки» Тобол. [6, т. 43, с. 150] и др.);

– «незавершённость» (*сырѣха* «недавно срубленное дерево, ещё не высохшее бревно», *сыринный* «недоваренный, сырой» Ряз. [6, т. 43, с. 152], *сыряк* «непропѣкшийся сырой хлеб» Моск. [6, т. 43, с. 157], *сырой* «незрелый, незрелый» Терск., Ленингр., Карел., Томск., Камч. [6, т. 43, с. 161], *сыроватый* «незрелый, незрелый» Томск. [6, т. 43, с. 158], *сырятина* «о недоваренной, недопечённой, сырой пище» Влад., Новг. [6, т. 43, с. 171] и др.);

– «необработанность» (*сырица* «сырая, невыделанная кожа» Зап., Горно-Алт. [6, т. 43, с. 152], *сырец* «необработанный лён» Пск., Томск., «невычесанная пенька» Твер., «шѣлк в виде нескрученных шѣлковых волокон» Симб., *шѣлк-сырец* «грубый, суровый шѣлковый материал», «необожжённый кирпич» Терск., Ворон., Иркут., «кирпич из глины домашнего приготовления», «неочищенный мѣд» Курск., *мѣд-сырец* «мѣд в сотах, сотовый мѣд», «недублёная кожа для шорных изделий, сыромять» Дон.) [6, т. 43, с. 151], *сырком* «без обработки жарением, варением и т. п. (о пище)» Арх. [6, т. 43, с. 153], *сырник* «недублёная кожа» Бурят. [6, т. 43, с. 154], *сырой* «грубый, небеленый, суровый (о нитках, ткани)» Лит., «грязный, немытый (о посуде)» Р. Урал. [6, т. 43, с. 162] и др.

Следует отметить, что во многих значениях лексем данного семантического блока компонент «влажность» деактуализирован.

Метафорический потенциал лексемы *сырой* и её производных достаточно ограничен, что проявляется в единичных переносных значениях: *сыроватенько* «плохо, болезненно» Ср. Прииртышье [6, т. 43, с. 158], *сырятина* «о слабом, болезненном человеке» Новг., «о толстой, излишне рыхлой женщине» Волог. [6, т. 43, с. 171], *сыряк* «о полном, рыхлом, тучном человеке» Пск., Твер. [6, т. 43, с. 171], *сырой* «ленивый (о человеке, лошади)» Моск., «неопытный» Карел., Арх. [6, т. 43, с. 162].

Выводы. Таким образом, анализ семантики номинаций перцептивного признака «влажность» в русском диалектном языке показывает, что характер концептуализации данного признака детерминирован не только эмпирическими, но и собственно лингвистическими факторами. Номинативный потенциал лексем *мокрый*, *влажный*, *сырой* и их дериватов демонстрирует неизоморфность их семантических структур, которая может быть обусловлена как различием их внутренних форм, исконной семантики, так и различными векторами дальнейшего семантического развития. Опираясь на этимологические данные, можно предположить, что исследуемые номинации изначально актуализировали различные аспекты концепта «влажность». Так, прилагательное *мокрый* и его производные соотносились с представлением о «природной» влаге (по мнению этимологов, праслав. **mokrŭ* родственно лит. *takonė* «лужа», *taklŭnė* ж. «грязь», *taknóti*, *taknóju* «идти по грязи», *įtakui*, *įtakėti* «входить в болото», далее ирл. *tóin* «болото, топь» [8, т. 2, с. 641]). Деривационное гнездо с корнем *волог-* / *волож-* манифестировало интерпретацию жидкости как человеческой пищи (ср. семантику соответствующих древнерусских лексем). Лексемы, восходящие к праслав. **syrbŭ*, обозначали влагу, содержащуюся внутри необработанных или не до конца обработанных, недосушенных предметов. Гетерогенность исконных смыслов и обусловленные ею различные направления семантического развития лексем, вербализующих признак «влажность» в русском диалектном языке, позволяют говорить о сложной структуре соответствующего концепта, о необходимости выделения в этой структуре субконцептов, актуализирующих различные аспекты интерпретации данного перцептивного признака.

Дальнейшей перспективой предпринятого исследования может быть расширение его эмпирической базы за счет привлечения к анализу лексики русского литературного языка, русской фразеологии, фольклорных, художественных и других текстов, что позволит выявить характер концептуализации перцептивного признака «влажность» в различных формах бытования русского языка и дискурсивных проекциях.

Л и т е р а т у р а

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*. Москва, 1995. № 1. С. 17–67.
2. Зинченко В. П. Восприятие. *Большой психологический словарь* / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. Санкт-Петербург: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. С. 74–75.
3. Кузнецова С. С. Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 28 с.
4. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : дисс. ... докт. филол. наук. Елец, 2011. 457 с.
5. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции и их выражение в языке. *Вопросы языкознания*. Москва, 1994. № 6. С. 79–100.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. Санкт-Петербург : Наука, 1965–2019.

7. Спиридонова Н. Ф. Проблема семиотизации признака в свете языковых данных (на материале русских прилагательных). *Признаковое пространство культуры*. Москва : Индик, 2002. С. 184–192.
 8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Москва: Прогресс, 1986.
 9. Харченко В. К. Лингвосенсорика : Фундаментальные и прикладные аспекты. Москва : Либроком, 2012. 216 с.

References

1. Apresyan, Yu. D. (1995), “The image of a person according to language data: an attempt at a systemic description”. *Topics in the study of language* [“Образ человека по данным языка : попытка системного описания”, *Voprosy yazykoznaniiya*], Moscow, issue 1, pp. 17–67.
 2. Zinchenko, V. P. (2004), “Perception”, *Big psychological dictionary* [“Vospriyatiye”. *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'*], Prime-EUROZNAK, St. Petersburg, pp. 74–75.
 3. Kuznetsova, S. S. (2015), *Verbalization of sensory perception as a reflection of the perceptual picture of the world of a dialectal linguistic personality : Author's thesis* [Verbalizatsiya chuvstvennogo vospriyatiya kak otrazheniye pertseptivnoy kartiny mira dialektnoy yazykovoy lichnosti : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], Tomsk, 28 p.
 4. Meshcheryakova, O. A. (2011), *Semantics of perception in the aspect of artistic cognition of I. A. Bunin* : Thesis [Semantika pertseptsii v aspekte khudozhestvennoy kognitsii I. A. Bunina : dis. ... dokt. filol. nauk], Yelets, 457 p.
 5. Ruzin, I. G. (1994), “Cognitive naming strategies : modes of perception and their expression in language”, *Topics in the study of language* [“Kognitivnyye strategii imenovaniya : modusy pertseptsii i ikh vyrazheniye v yazyke”. *Voprosy yazykoznaniiya*], Moscow, issue 6, pp. 79–100.
 6. *Dictionary of Russian folk dialects (1965–2019)* [Slovar' russkikh narodnykh govorov], Nauka, St. Petersburg, vol. 1–51.
 7. Spiridonova, N. F. (2002), “The problem of semiotization of a feature in the light of linguistic data (on the material of Russian adjectives)”, *Sign space of culture* [“Problema semiotizatsii priznaka v svete yazykovykh dannykh (na material russkikh prilagatel'nykh)”. *Priznakovoye prostranstvo kul'tury*], Indrik Publishing house, Moscow, pp. 184–192.
 8. Fasmer, M. (1986–1987), *Etymological dictionary of the Russian language* : in 4 volumes, 2nd ed. [Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : v 4 t., 2 izd.], Progress, Moscow.
 9. Kharchenko, V. K. (2012), *Linguosensorics : Fundamental and applied aspects* [Lingvosensorika : Fundamental'nye i prikladnye aspekty], Librokom Publ. house, Moscow, 216 p.

ПЕДЧЕНКО Людмила Вадимівна,

кандидатка філологічних наук, доцент, завідувачка кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; пл. Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна; тел. +38 057 7075357, e-mail: pedchenko1210@gmail.com, ORCID ID: 0000–0002–8603–293X

КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ ПЕРЦЕПТИВНОЇ ОЗНАКИ «ВОЛОГІСТЬ» (ЗА ДАНИМИ РОСІЙСЬКОЇ ДІАЛЕКТНОЇ МОВИ)

Анотація. *Мета* статті — виявити характер концептуалізації перцептивної ознаки «вологість» у російській діалектній мові і чинники, що його детермінують. *Об'єкт* дослідження — семантика лексем *мокрый, вологий, сирий* і їхніх ареальних опозитів і дериватів у говірках російської мови. *Предметом* дослідження є когнітивні ознаки, актуалізовані в семантичній структурі цієї групи лексем. У роботі використано *методи* семантичного, етимологічного, компонентного аналізу, історичний та описовий методи. У *результаті* аналізу семантики номінацій перцептивної ознаки «вологість» в російській діалектній мові було встановлено, що характер мовної інтерпретації вказаної ознаки детермінований не тільки емпіричними, а й власне лінгвістичними факторами. Номінативний потенціал лексем *мокрый, вологий, сирий* і їх дериватів демонструє неізоморфність їхніх семантичних структур, яка може бути зумовлена як відмінностями їх внутрішніх форм, первісної семантики, так і різними векторами подальшого семантичного розвитку. Етимологічні дані дають підстави припустити, що досліджувані номінації актуалізували різні аспекти концепту «вологість»: прикметник *мокрый* і його похідні співвідносилися з уявленням про «природну» вологу (пор. первісні значення «калюжа, бруд, болото»), дериваційне гніздо з коренем *волог-* / *волож-* маніфестувало інтерпретацію рідини як людської їжі, а лексеми, висхідні до праслов. **суг*, позначали вологу, що міститься всередині необроблених або не до кінця оброблених, неосушених предметів. **Висновки.** Гетерогенність первісних смислів і зумовлені нею різні напрямки семантичного розвитку лексем, які є вербалізаторами ознаки «вологість» у російській діалектній мові, дають змогу говорити про складну структуру відповідного концепту, про необхідність виокремлення в цій структурі субконцептів, що актуалізують різні аспекти інтерпретації такої перцептивної ознаки.

Ключові слова: діалектна лексика, семантика, номінація, перцептивна ознака, когнітивна інтерпретація, концептуалізація.

Liudmyla V. PEDCHENKO

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Russian Language Department of V. N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Square, Kharkov, 61022, Ukraine; tel.: +38 057 7075357, e-mail: pedchenko1210@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8603-293X

CONCEPTUALIZATION OF THE PERCEPTIVE SIGN “MOISTURE” (ACCORDING TO RUSSIAN DIALECT LANGUAGE)

Summary. The *purpose* of the article is to identify the nature of the conceptualization of the perceptual attribute “moisture” in Russian dialect language and the factors that determine it. The *object* of the research is the semantics of lexemes *mokryy*, *vlazhnyy*, *syroy* and their areal opposites and derivatives in the dialects of the Russian language. The *subject* of the research is cognitive features, actualized in the semantic structure of this group of lexemes. The work uses the *methods* of semantic, etymological, component analysis, historical and descriptive methods. As a *result* of the analysis of the semantics of nominations of the perceptual feature “wet” in the Russian dialect language, it was found that the nature of the linguistic conceptualization of this feature is determined not only by empirical, but also by linguistic factors. The nominative potential of lexemes *mokryy*, *vlazhnyy*, *syroy* and their derivatives demonstrates the non-isomorphism of their semantic structures, which can be caused both by the difference in their internal forms, primordial semantics, and by different vectors of further semantic development. Etymological data suggest that these nominations initially actualized various aspects of the concept of “moisture”: the adjective *mokryy* and its derivatives correlated with the concept of “natural” moisture (compare the original meanings “puddle, mud, swamp”), a derivation nest with the root *volog-/volozh-* manifested the interpretation of liquid as human food, and lexemes dating back to proto-Slavic **syrъ*, denoted the moisture contained in untreated or incompletely processed, unfinished items. **Conclusions.** The heterogeneity of the primordial meanings and the various directions of the semantic development of lexemes that verbalize the sign “moisture” in Russian dialect language caused by it, allow us to talk about the complex structure of the corresponding concept, about the need to identify subconcepts in this structure that actualize various aspects of the interpretation of this perceptual feature.

Key words: dialectal vocabulary, semantics, nomination, perceptual attribute, cognitive interpretation, conceptualization.

Статтю отримано 30.04.2021 р.

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237862

УДК 811.161.2'276.3-055.2:070

УЛЬЯНОВА Вікторія Олегівна,

кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри іноземних мов природничих факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 097 5276506; e-mail: ulyanova.viktoria@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-2821-1833

СТЕРЕОТИПИ РАДЯНСЬКОЇ І ПОСТРАДЯНСЬКОЇ ФЕМІННОСТІ

Анотація. У статті проаналізовано особливості виявів ґендерних стереотипів української жінки різних періодів історії нашої країни на сторінках журнального періодичного видання «Радянська жінка» та «Жінка». **Мета** дослідження — описати мовну особистість української жінки радянських і пострадянських часів, виявити характерні ознаки першої та другої, а також проаналізувати мовний матеріал, що репрезентує ці мовні особистості на сторінках публіцистичних текстів. **Предметом** розгляду були особливості стереотипів, пов'язаних з українською жінкою радянської та незалежної України. **Матеріал** періодичних видань дає змогу зіставити «знеособлений» образ радянської жінки із нашою сучасницею у всьому розмаїтті її виявів як вільної представниці українства. Для виявлення специфічних значеннєвих моделей фемінних стереотипів, представлених в аналізованих джерелах, у роботі застосовано *контекстуально-інтерпретаційний метод* та *контент-аналіз*, а *компонентний аналіз* дав змогу висвітлити семантичну оригінальність кожного маркера стереотипізованих моделей мовної особистості української жінки. **Результати** аналізу особливостей мовної поведінки жінки уможливають зробити **висновок** про те, що провідною моделлю радянської жінки була знеособлена мовна особистість, орієнтована на трудові звершення на благо радянського суспільства; родина і жіноча природа внаслідок пропаганди залишаються на периферії. Сучасні жіночі видання намагаються показати мовну особистість української жінки у всьому розмаїтті її комунікативних, психоментальних, емоційних та інших виявів, і ця презентаційна полісемантичність відбивається і в мовному конструюванні, яке синтезує всі виражальні засоби національної мови та її впливовий потенціал.

Ключові слова: мовна особистість, пропаганда, офіційна ідеологія, ідеальна жінка, стереотип, радянська доба, пострадянська доба.

Антропоцентризм сучасної лінгвістичної парадигми максималізує увагу науковців до аналітичної реконструкції особистості у всіх вимірах її комунікативних презентацій, у всьому розмаїтті її соціальних ролей та суспільних функцій. Залежно від обраного аспекту наукових кваліфікацій це поняття дослідники тлумачать по-різному, але вони збігаються в загальному розумінні того, що